

С Ю Ж Е Т ДЛЯ БАЛЛАДЫ

(ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОИСКА)

Ничто не обещало такого поворота. В небольшой корреспонденции, опубликованной в одном из номеров журнала «Айастан ашхатарун», рассказывалось о памятнике, который соорудил парень во время прохождения армейской службы. Конечно, факт незаурядный. Но еще следовало выяснить: где построили обелиск? Как точно звали солдата? Откуда он родом? Словом, нужен был поиск.

Звоню автору информации, писателю из Иджевана Тельману Маилану. «Об этом случае мне рассказал житель города Владимир-Вольск Григорий Асоян».

Связываюсь с украинским городом. Слышимость плохая, но адрес удается записать. В письме прошу Григория Левоновича Асояна пролить свет на неясные вопросы.

Спустя некоторое время получаю от него подробный ответ. В конверт вложено и коростенькое письмецо участника Великой Отечественной войны, прапорщика в отставке Николая Ильича Сидорова. Люди порылись в домашних архивах, вспомнили события 22-летней давности, начертили карту местности... Добрый поступок парня из Армении приобретал не только географическую определенность, но и, я бы сказал, моральную мотивацию.

Как же звали солдата? Фамилия его, по утверждениям и писателя, и авторов письма, Давтян. Что касается имени, то мнения расходятся. Тут, разумеется, больше доверял заслуживают Асоян и Сидоров, как первоисточники. Но отчество строителя памятника и вовсе неизвестно. Между тем, Давтянов в республике столько же, сколько Петровых в России. Генрик Давтян то ли из Дилиджана, то ли из Иджевана, а может, из другого района? М-да...

Поистине, ищущий вознаграждения везеньем. В поиск подключились председатель Дилижанского городского Совета народных депутатов и начальник паспортного отдела милиции. На следующий день в ереванском корпункте «Советской культуры» раздался телефонный звонок: «Я — Генрик Давтян... Да, служил... Да, построил...».

А еще через день слесарь-инструментальщик дилижанского завода «Импульс» Генрик Гайкович Давтян поведал мне историю сооружения мемориала павшим бойцам. Там, на украинской земле, под сенью молодых берез.

И я совершенно ничего не добавляю к этому рассказу, ибо действительность на выдумку хитрее человека, а в солдатской повести концовка столь неожиданна, что, право, наша литературная вольность воображения уступает жизненной достоверности.

...На фронт отец ушел добровольцем. Работал он бухгалтером, щелкал счетами. А границы страны стекали кровью. И бухгалтер провел черту под мирной жизнью — он шагнул в смертельный бой с фашистами, зная, что его итог определит все предыдущие и все последующие итоги, и если он сойдется — а он непременно сойдется! — значит жили по правде и честно.

«Мне тогда было восемь месяцев», — говорит Генрик, и на лице его можно прочесть жалость не к себе, а к тому голопузому мальцу, которого отец никогда не подбрасывал высоко-высоко. И еще в разговоре он однажды спокойно сказал о погибшем родителе: «Я его всегда искал». «Искал» надо понимать как «страдал». Фуражка со звездочкой, конторские счета, сладкий запах табака, расплывчатая любительская фотография, сохранившая напряженные позы родителей и братьев перед объективом, туман дилижанских лесов, откуда тянет

странными воспоминаниями о днях, когда его еще не было на свете: вот отец возвращается с хворостом для топора, вот он помогает деду раздуть горн: искры вылетают стайками, а металл пунцовеет до лиловости...

Он искал его всюду, где мог. И он его нашел на дальней заставе.

Нашел на маршруте своего дозора.

— Каждый день я видел на обочине дороги небольшой холмик, огороженный полусгнившими досками. Звездочка над ним. По ней понял, что похоронен на этом месте воин. Поинтересовался. Так и есть: братская могила пограничникам, принявшим 22—23 июня первый бой. Честно скажу: очень горько стало на душе! Отец вспомнился, он ведь тоже погиб в сорок первом, и мы до сих пор не знаем, где сложил голову.

Генрик говорит спокойно и грустно: «Однажды и высказался ребятам: так и так, негоже проходить мимо заброшенной могилы. Своё прошлое, притом героическое, надо помнить, уважать. Кто знает, чей сын и брат лежит на пригорке? Может, и близких у них не осталось». — Он помолчал, потянулся за сигаретой. Курил и молчал. И вновь медленно, но гораздо тише, еле слышно продолжил:

— Знаете, о чем я думаю? Человека с человеком роднит память. Если я забуду отца, наверное, и сын забудет меня.

На комсомольском собрании сказал: «Давайте своими силами построим памятник». Поддержали. Решили: поручить рядовому Давтяну восстановить памятник погибшим воинам в свободное от службы время.

По-крестьянски деловито, осмотрительно Генрик взялся за дело. Перво-наперво заявился в горком комсомола: нужен стройматериал. Потом сколотил группу умельцев, чтоб подсобили. Осмотрел могилы, измерил вдоль и поперек, рассчитал и прикинул. Начертил эскиз. Все впервые, но от души, от сердца, и поэтому вдохновенно.

Впрочем, это не совсем правда. Дилижан хоть и считается городом на карте республики, курортным городом, но жизненный уклад его жителей преимущественно крестьянский. Подправить, вырезать, выточить, сложить каменный забор, залить бетоном фундамент дома — это Генрик умел еще на гражданке. А от деда-кузнеца перенял сноровку ладить с железом, гнуть его, как вздумается, складывать разнообразны узоры.

В общем-то, памятник возводил сам, потому что больше доверял своим рукам. В июньскую теплынь прибил опалубку и, скинув гимнастерку, взялся за дело.

— Строил и вспоминал отца, — признается Давтян.

Наш облик в первую очередь определяют наши поступки, наши конкретные дела. Служил рядовой Генрик Давтян исправно, избирался секретарем комсомольской организации заставы. Мать не раз получала благодарственные письма от командира части, похвальные листы и почетные грамоты горкома, областного комитета комсомола, ЦК комсомола Украины. Генрик хранит их бережно. Но вот этот порыв души вдруг как бы вознес его. Прежде всего над самим собой. По-моему, и уважение к самому себе надо заслужить.

Где-то к середине работы он заторопился — следовало затем восстановить и другой памятник — «Инструктору служебных собак», затерявшийся в лесной чаще.

А сроки поджимали. Осенью демобилизовываться.

Ребята понимали его с полуслова. Солдат любил трудиться молча, а моно-

лог Дела превыше монолога красноречив. Тут в самый раз упомянуть и сержанта Мелкумьяна из Минге-чаура, и рядовых Жарова и Брилькина из Москвы, и земляка Габриеллина из Иджевана, и Деревянко с Украины... Они делали монолит на холмике, поднимали памятник на высоту.

Близлежащее село находилось в пяти километрах от заставы. Колхозники нередко приходили к солдатам, подолгой стояли, смотрели, вызывались помогать. Пришла как-то старушка с узелком, молча развязала его и принялась раскладывать на травке вкусную снедь. А однажды подкатил парнишка на велосипеде, протянул мастеров: «Папая дал, этот получше».

А вообще, говорит Генрик, все было чудесно: памятник рос на глазах заставы, получался он красивым, и успевали вовремя. И снова повторил:

— Строил, поверьте, и на душе становилось светло. Он сказал, смутился, опять надолго умолк и сам же прервал молчание. — Только об одном жалею — не провел фонтанчика. Там колодцы, мало камня, чтобы сделать одеяние для воды... Жалко, вздохнул собеседник.

И встал памятник на братской могиле. И возвели его братья — русские, украинцы, белорусы, армяне. Наверное, не случайно.

Сделали ограду, поставили звезду и вывели на обелиске: «Пограничникам, героически павшим в бою за нашу Советскую Родину 22—23 июня 1941 года. Вечная слава героям!». Стометровую аллею засадили молодыми березками — пусть зеленеет древо человеческой памяти.

В это же время, к осени 62-го года, в лесу встал и другой памятник — «Инструктору служебных собак».

Генрик рассказал:

— На рассвете 22 июня сорок первого на западном берегу Буга инструктор служебных собак столкнулся лицом к лицу с фашистами. Принял первый и неравный бой. Он лежал убитый, но смертельно раненная собака не отходила от инструктора. Мне об этом тамошний участник боев рассказывал. Вот как бывает...

Поздней осенью Давтян демобилизовался. Вернулся в родной Дилижан. Военская часть, где он служил, с помощью ветеранов, военных архивов уточнила имена погибших в первый день войны пограничников. Герои воскресли из забвения и немеркнувшей строкой легли на обелиск.

И среди пятнадцати фамилий восьмой приведена фамилия Давтян! Не отец ли солдата, воссозданного памятника? Увы, инициалы отсутствуют (кстати, нет инициалов и некоторых других — Левушкина, Никитина, Дуликова, Печина). Этот список, присланный мне Г. Асояном из Владимира-Вольнска, я показал Генрику Давтяну.

Похоронка на отца пришла в первые дни войны. В ней указывалось место гибели. Мать уже не помнит, а похоронка потерялась при переезде в новый дом. Кто знает, может, это мой отец или дядя, тоже Давтян, тоже погиб в начале войны.

И я задаю себе вопрос: кому возведен памятник? Павшим бойцам? Да. Потомству на поучение? Да.

«...Не спрашивай никогда, по ком звонит колокол...», — учил старый английский поэт. Это памятник отцам нашим и братьям, нашей высокой совести и нашей живой и тревожной памяти.

Памятник Отцам от Славя-

рей.

Такой великий и такой простой сюжет для баллады.

И. ВЕРДИЯН.